

29 октября на 91-м году жизни скончался
Николай Николаевич Скатов,
выдающийся учёный, исследователь классической русской литературы, член-корреспондент РАН

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Николай Николаевич Скатов родился 2 мая 1931 г. Его детские и юношеские годы прошли в Костроме. По окончании средней школы № 30, он поступил на филологический факультет Костромского государственного педагогического института. Здесь, под влиянием профессора Д.Е. Тамарченко, он начал свои первые шаги в науке. С отличием окончив институт, он поступил в аспирантуру при кафедре литературы МГПИ, где под руководством профессора А.И. Ревякина подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «В.Г. Белинский о критике. (Проблема критики в эстетике В.Г. Белинского)».

В 1956 г., по окончании аспирантуры, Николай Николаевич вернулся в Кострому. В родном для него институте он читал курсы введения в литературоведение, истории русской литературы XIX в. и спецкурс по творчеству В.Г. Белинского. Его лекции пользовались успехом не только у филологов, но и у студентов других факультетов, а также у многих костромичей – любителей русской литературы. Аудитория, в которой он читал лекции, была всегда переполнена слушателями.

Николай Николаевич умел пробуждать научную интуицию, развивать творческий потенциал, оценивать и воспитывать исследовательские умения и навыки студентов. В отличие от многих талантливых педагогов, у которых нам посчастливилось учиться,

Николай Николаевич пробуждал в нас не только любовь к литературе, но и живой интерес к литературоведению. В его лекциях открывался высокий гуманитарный смысл историко-литературной науки, имеющей прямое отношение к самим основам национальной жизни, к генетическим корням её. Это было литературоведение, адресованное всем и каждому, доступное и понятное, обладающее живым, образным, художественным языком.

Особое внимание он уделял не только разбору творчества отдельных писателей-классиков, но и анализу их окружения. Писатель у него погружался в литературный процесс, открывался перед нами как в творческой индивидуальности, так и в диалогической связи с общим движением отечественной литературы. Неслучайно, по-видимому, одну из первых своих книг Николай Николаевич назвал «Поэты некрасовской школы» (Л., 1968), а вторую – «Некрасов. Современники и продолжатели» (Л., 1973). Обращаясь к поэзии Некрасова, используя все достижения советского некрасоведения, он успешно преодолевал односторонне-социологическое прочтение поэта, в произведениях которого видели иллюстрацию основных положений революционно-демократической публицистики. В его лекциях Некрасов предстал как великий национальный поэт, в творчестве которого открывалась неисчерпаемая глубина народной жизни, национальная эпопея в новых формах литературы. В последней и беспор-

но лучшей биографии Некрасова Н.Н. Скатов убедительно показал огромное влияние Некрасова на творчество Достоевского («Некрасов». М., 2004).

Акцентируя внимание на своеобразии русско-го литературного процесса, наш учитель открывал любопытную связь в развитии русской литературы XIX в. между первой и второй его половинами. В творениях Пушкина Николай Николаевич видел истоки новой русской литературы. Он показывал, что все последующее ее развитие превращается в развертывание тех возможностей, которые явлены в Пушкине в виде ёмких эстетических формул. Как откровение и раскрытие художественных потенций, изначально намеченных в универсальном гении Пушкина, весь последующий литературный процесс оказывался соразмерным Пушкину и соотнесенным с ним. Об этом писал Н.Н. Скатов впоследствии в книге «Пушкин. Русский гений» (М., 1999).

Уже тогда, в начале 1960-х гг., утверждался в лекциях этого замечательного ученого и педагога новый взгляд на основные вехи эволюции русской классической литературы. В первой половине XIX века она отличалась необыкновенной емкостью и универсальностью художественных обобщений. Лектор сравнивал их с зернами или с бутонами еще не распустившегося цветка. В это время закладывались первоосновы русской литературной классики, живые клетки ее, несущие в себе неповторимый «генетический код». Это литература кратких, но перспективных в своем дальнейшем развитии художественных формул, заключающих в себе мощную образную энергию, еще сжатую в них, еще пока не развернувшуюся.

Она развернется позднее в произведениях Тургенева, Толстого, Достоевского. Литература первой половины XIX в. – это литература художественных обобщений общенационального масштаба. Не случайно многие из них войдут в пословицы, станут фактом нашего повседневного языка, частью нашего духовного опыта: почти все басни Крылова, множество стихов и образов из «Горя от ума» и «Евгения Онегина», из «Мертвых душ» Гоголя.

Н.Н. Скатов показывал, что русская литература второй половины XIX в. отличается, напротив, своей аналитичностью: она как бы раскрывает скобки за теми сжатыми художественными формулами, которые были даны Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем. Из «Капитанской дочки» Пушкина, из «Бородино» Лермонтова, из «Тараса Бульбы» Гоголя и трех басен Крылова – произведений, кратких по форме и емких по содержанию, – вырастает, развертываясь на тысячи страниц, многотомное повествование «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

В условиях второй половины XIX в. уже неповторим пушкинский универсализм. Даже русская поэзия этого времени разделяется на два враждующих друг

с другом направления: некрасовскую школу и школу поэтов «чистого искусства» – рядом с Некрасовым стоит Фет. Островский отдаст все силы драматургическому творчеству, Толстой и Достоевский – романам, юношеская драматургия и проза Некрасова несоизмеримы по значимости со стихами национального поэта, Чехов в прозе выступит мастером короткого рассказа, Салтыков-Щедрин будет «чистым» сатириком и т. д. Н.Н. Скатов писал об этом в книге «Литература великого синтеза» (М., 2011).

Николай Николаевич показывал нам, что то же самое происходило и в литературной критике. Если в первой половине века она осенялась одним именем Белинского, то во второй половине появлялось несколько критических школ: «реальная критика» революционеров-демократов, «эстетическая критика» либералов-западников, «почвенническая критика» соратников Ф.М. Достоевского.

Замечательно, что литературная критика в те годы еще не отпочковалась в особую дисциплину, и Николай Николаевич включал лекции о классиках русской критики в общий историко-литературный процесс. Более того, на четвертом курсе мы слушали теоретический спецкурс Николая Николаевича о литературной критике и эстетике В.Г. Белинского. В.В. Тихомиров вспоминает, что именно спецкурс о критике Белинского, прочитанный нам Н.Н. Скатовым, сыграл в будущем немалую роль в том, что он многие годы посвятил изучению и преподаванию истории русской литературной критики: «Тогда мы, студенты, впервые приобщились к глубинам философско-эстетических основ литературной критики, убедились в том, что критика – дело серьезное, важное и непростое. Николай Николаевич обратил наше внимание на то, что критическую деятельность Белинского нужно воспринимать с учетом развития его философско-эстетических взглядов, что Белинский-критик был разным на разных этапах жизни».

В своих лекциях Николай Николаевич стремился показать непреходящее значение тех художественных открытий, которые составляют душу нашей классики, которые сохраняют ее вечную актуальность. Не случайно одну из своих книг он назвал потом «Далекое и близкое» (М., 1981). От «далекого» мысль лектора устремлялась к «близкому»: раскрывая то, что сменяется, Н.Н. Скатов обращал внимание студентов на то, что стоит, что удерживается неизменным в глубинном существе русской жизни. Он доказывал, что классическая русская литература торжествует над течением времени: наше прошлое оказывалось в самом прямом смысле нам близким, а наша современность, по неумолимой логике органического роста жизни и литературы, напоминала о далеком, в новых исторических условиях заново воскрешая его.

В 1962 г. Н.Н. Скатов испытал незаслуженные гонения, организованные в институте его недоброжелателями, с недоверием и завистью относившимися к талантливому ученому и блестящему преподавателю – кумиру костромских студентов-филологов. Получив приглашение от заведующего кафедрой ЛГПИ им. А.И. Герцена А.И. Груздева, Н.Н. Скатов уехал в Ленинград. Здесь он защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию творчества Н.А. Некрасова и поэтов его школы. Вскоре он стал заведующим кафедрой русской литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

В 1987 г. его назначили директором крупнейшего в нашей стране академического Института русской литературы (Пушкинского Дома), избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Затем он стал членом президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, заместителем председателя экспертного совета ВАК РФ, главным редактором журнала «Русская литература». В течение восемнадцати лет Николай Николаевич возглавлял Пушкинский Дом, сохраняя его научный потенциал в самые тяжелые для нашей страны времена.

Но родную Кострому при этом Николай Николаевич никогда не забывал. Человек мудрый и душевно щедрый, он простил причиненные ему обиды. Связь с родным институтом, а потом и университетом он поддерживал всегда, причем, связь действенную и результативную. Целой плеяде костромичей он буквально открыл дорогу в науку. Среди них – Ю.В. Лебедев, В.В. Тихомиров, Б.М. Козлов, Л.Д. Волкова, А.М. Крупышев, А.В. Торопова, Е.Л. Мураткина... Именно он приложил максимум усилий к формиро-

ванию в Костроме научной литературоведческой школы, именно он участвовал в изданиях некрасовских сборников в качестве их редактора, именно он помогал костромичам в организации и проведении ежегодных литературоведческих конференций.

В своей книге о творчестве Кольцова («Кольцов». М., 1983) Николай Николаевич писал: «Отношение подлинного искусства к жизни, как известно, совсем неоднозначно. Жизнь и быт определенного склада уходят, а искусство остается. Ведь все мы помним замечание Маркса об искусстве древних греков как сохраняющем значение нормы и недостижимого образца. Важно понять, на какой социальной и национальной основе возник тот или иной тип искусства, почему он остается, что несет людям, даст ли что-либо будущим поколениям».

Старец Зосима в «Братьях Карамазовых Достоевского говорит: «Праведник отходит, а свет его остается». Все, созданное Николаем Николаевичем за его долгую жизнь, просится на рабочий стол преподавателя вуза, учителя литературы, любого человека, не равнодушного к судьбе своего отечества. Ведь греховным началом человеческой природы, которые захлестнули современное общество, потребуется активное духовное исцеление. Этим исцелением станет наша классическая литература, которую Томас Манн назвал «святой», а вместе с ней и работы Н.Н. Скатова, которые будут способствовать русскому оздоровлению и возрождению.

*Юрий Владимирович Лебедев
доктор филологических наук, профессор,
Кострома, Россия, y.v.lebedev@yandex.ru*